

**Конвенция о ликвидации всех
форм дискриминации в
отношении женщин**

Distr.: General
27 September 2011
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**
Сорок девятая сессия
11–29 июля 2011 года

Мнения

Сообщение № 20/2008

Представлено: Г-жой В.К. (представленной адвокатом
г-жой Миленой Кадиевой)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Болгария

Дата сообщения: 15 октября 2008 года (первоначальное
представление)

25 июля 2011 года Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин принял прилагаемый текст в качестве мнений Комитета в отношении сообщения № 20/2008 в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Приложение

Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (сорок девятая сессия)

Сообщение № 20/2008*

<i>Представлено:</i>	Г-жой В. К. (представленной адвокатом г-жой Миленой Кадиевой)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Болгария
<i>Дата сообщения:</i>	15 октября 2008 года (первоначальное представление)
<i>Справочные документы:</i>	Препровождены государству-участнику 16 декабря 2008 года (не изданы в форме документа)

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин,

на заседании, состоявшемся 25 июля 2011 года,

принимает следующее:

Мнения в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола

1. Автором сообщения от 15 октября 2008 года является В. К., болгарская гражданка. Автор сообщения утверждает, что является жертвой нарушений государством-участником статьей 1, 2, 5 и 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Автора представляет адвокат Милена Кадиева. Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу для государства-участника 10 марта 1982 года и 20 декабря 2006 года соответственно.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-жа Айше Фериде Аджар, г-жа Николь Амелин, г-жа Магалис Ароча Домингес, г-жа Виолета Тсисига Авори, г-жа Барбара Эвелин Бейли, г-жа Олинда Барейро-Бобадиля, г-жа Мерием Бельмихуб-Зердани, г-н Никлас Брун, г-жа Наэла Мохамед Габр, г-жа Руфь Гальперин-Каддари, г-жа Йоко Хаяси, г-жа Исмат Джахан, г-жа Соледад Мурильо де ла Вега, г-жа Виолета Нойбауэр, г-жа Прамила Паттен, г-жа Сильвия Пиментел, г-жа Мария Елена Лопиш ди Жезуш Пиреш, г-жа Виктория Попеску, г-жа Зохра Расекх, г-жа Патрися Шульц, г-жа Дубравка Шимонович и г-жа Цзо Сяошяо.

Данные, представленные автором

2.1 Автор сообщения и Ф. К. вступили в брак в 1995 году. У них есть дочь Д. К., родившаяся в 1997 году, и сын А. К., родившийся в 2001 году.

2.2 Автор утверждает, что в течение многих лет она является жертвой бытового насилия, совершаемого ее мужем. Сначала она подвергалась психологическому, эмоциональному и экономическому насилию, а в 2006 и 2007 годах — также физическому насилию. До того и особенно после того, как в 2006 году семья переехала в Польшу в связи с работой ее мужа, автору не разрешалось работать, несмотря на ее образование и квалификацию. Только муж принимал решения о расходовании дохода семьи и выдавал автору деньги лишь на основные потребности семьи. У нее не было дополнительных денег на себя, и ей не разрешалось тратить деньги, которые давал ей муж, на другие цели, кроме строго оговоренных; ее не информировали о том, как расходуются остальные доходы мужа. В результате она была полностью зависимой от своего мужа в экономическом плане.

2.3 Во время семейной жизни муж автора обращался с ней как с домашней работницей, а не как с женой и партнером. Он не обсуждал с ней никакие вопросы, касающиеся семейной жизни, и требовал, чтобы она подстраивалась под его нужды, не высказывая своего мнения. Автор утверждает, что ей не разрешалось свободно общаться со своими друзьями и родственниками. В течение многих лет она чувствовала себя униженной и подавленной. Ее попытки обсудить взаимоотношения перерастали в частые конфликты, а также привели к физическому насилию в 2006 и 2007 годах.

2.4 В 2006 году, перед отъездом на лето в Болгарию, автор сказала мужу, что она подаст на развод, так как не может больше жить без работы и социальных контактов. Муж сказал, что она может делать все, что ей заблагорассудится, но она не сможет взять с собой детей. В результате она была вынуждена сохранить отношения и вернуться с мужем в Польшу.

2.5 31 декабря 2006 года во время отпуска в Софии автор и ее муж поссорились, потому что она решила не следовать его указаниям, касающимся расходования определенной суммы денег, которую он ей дал. Когда она отказалась вернуть деньги, он пришел в ярость и стал агрессивным, кричал на нее, оскорблял, угрожал и бил ее. В это время ей позвонили ее родители и поняли, что она подвергается насилию. Сразу после звонка они обратились в полицию и поехали в Софию, чтобы помочь автору и ее детям. Полиция приехала и задала автору и ее мужу вопросы о том, что произошло. На ночь муж ушел из дома. 1 января 2007 года автор отправилась в Центральный госпиталь активной терапии Александровского университета в Софии. Ей была выдана медицинская справка, в которой подтверждалось наличие синяков на лбу и обеих руках и говорилось: «Эти раны являются результатом ударов твердым тупым предметом и были нанесены и могли быть получены таким способом и в такое время, которые указывает обследуемое лицо. Эти повреждения вызывали у нее боль и страдания».

2.6 В неустановленный день ее муж якобы толкнул ее к стене, чтобы заставить ее замолчать. Он велел их дочери принести ему веревку, чтобы связать автора, заявляя, что она сумасшедшая. После частых ссор, поняв, что автор настаивает на том, чтобы ее считали личностью и дали ей возможность вернуться

на работу, ее муж прекратил финансово обеспечивать автора и их детей, чтобы заставить ее «вести себя хорошо» и «быть послушной». Поскольку у автора не было возможности содержать двоих детей, не имея каких-либо доходов, в марте 2007 года она вышла на работу.

2.7 12 апреля и 22 мая 2007 года автор подала заявление в Варшавский окружной суд с просьбой принять меры по ее защите, а также заявление на получение финансового содержания от мужа для удовлетворения основных семейных потребностей. 22 мая 2007 года она направила в суд срочное напоминание. На момент первоначального представления сообщения дело ожидало рассмотрения в суде.

2.8 30 апреля 2007 года, когда автор попросила своего мужа удовлетворить основные потребности семьи, он запер детей в комнате и пригрозил ей, что она не сможет больше заботиться о них, если не будет ему подчиняться. Он кричал на нее и сказал ей, что она ему больше не нужна, поскольку дети выросли и ее сможет легко заменить гувернантка. Дети были напуганы. В гневе он начал бить ее и попытался задушить подушкой. Она стала бороться в ответ, чтобы не задохнуться.

2.9 7 июня 2007 года в Софии муж автора, не поставив ее в известность, начал бракоразводный процесс, добиваясь попечения над обоими детьми.

2.10 26 июня 2007 года автор была избита своим мужем, который наносил ей удары по ногам. В результате она упала и ударилась бедром и ягодицами. 2 июля 2007 года она прошла медицинское обследование у врача, который подтвердил, что у нее имеются: а) большая гематома на коже правого бедра; б) две большие гематомы на коже ягодиц; и с) синяк в верхней части правой стопы. В медицинской справке делается вывод о том, что «вышеупомянутые повреждения могли быть получены во время и при обстоятельствах, указанных пациентом».

2.11 Автор сообщения решила уйти от мужа, забрать детей и искать убежища в приюте для женщин, подвергшихся насилию, который работает в Варшаве при поддержке и юридической помощи Центра по правам женщин (Центр). 27 июля 2007 года она вместе с представителем Центра пришла в квартиру, в которой проживала ее семья, чтобы собрать свои вещи и вещи детей. Ее муж рано вернулся с работы домой и начал скандалить. Он запер детей в квартире. Автор и представитель Центра вызвали полицию. Когда приехала полиция, автору удалось забрать дочь, однако сын остался запертым в квартире. Она и ее дочь находились в приюте Центра в Варшаве до 23 сентября 2007 года. В течение двух месяцев муж автора не разрешал ей общаться с сыном, который находился в состоянии шока после событий 27 июля 2007 года и нуждался в госпитализации, о чем муж не поставил в известность автора. 31 июля 2007 года ее сын был переведен из государственного детского сада в частный. Ее муж распорядился, чтобы директор не разрешал автору видеться с сыном и звонил ему в том случае, если она придет в детский сад. Ее муж дважды приезжал в Центр, чтобы узнать, где находится его дочь. 14 августа 2007 года во время второго посещения Центра он был в ярости и проявлял агрессию, и персонал был вынужден вызвать полицию, чтобы выдворить его из помещений Центра.

2.12 20 августа 2007 года Центр от имени автора подал жалобу уголовно-правового характера в прокуратуру в Варшаве.

2.13 21 сентября 2007 года автору удалось узнать, где находится ее сын, и вместе с представителем Центра она пошла навестить его в детском саду. Когда директор отказал ей во встрече с ребенком, она вызвала полицию, чтобы по крайней мере договориться о встрече с сыном. Ее муж, которому позвонил директор, подъехал к детскому саду и стал кричать на нее, угрожать и вести себя агрессивно по отношению к ней и представителю Центра и ударил их обеих. Полицейские были вынуждены посадить его в полицейскую машину.

2.14 После этого автор забрала сына и вместе с двумя детьми уехала из Польши в Болгарию, чтобы спрятаться от мужа и найти защиту и эмоциональную поддержку у своей семьи, а также обратиться за правовой помощью. Центр в Варшаве и Болгарский фонд гендерных исследований в Софии совместно оказали ей и ее детям поддержку, предоставив правовую помощь и направив ее в неправительственные организации (НПО) в Болгарии, которые оказывают помощь женщинам, подвергшимся насилию. Примерно в течение первой недели после возвращения в Болгарию автор и ее дети находились у друзей, поскольку фонд ДИВА, который организует работу единственного приюта для пострадавших от насилия женщин в южной Болгарии, не мог сразу же предоставить им место в приюте из-за его переполненности.

2.15 27 сентября 2007 года автор подала заявление в окружной суд Пловдива в Болгарии в соответствии со статьей 18(1) Закона о защите от бытового насилия, которое было зарегистрировано как гражданское дело № 3273/2007 и в котором она просила о выдаче судебного приказа о незамедлительном обеспечении защиты в отношении ее мужа. Она утверждала, что в течение многих лет она страдала от экономического, психологического и физического насилия. Она сослалась на инцидент, произошедший 30 апреля 2007 года, когда муж избивал и оскорблял ее и закрыл детей в комнате, а также на то, что она с дочерью выехали из квартиры, в которой проживала их семья, 27 июля 2007 года, в то время как муж удерживал ее сына и не разрешал ей видеться с ним в течение более двух месяцев. Она также упомянула о следующем инциденте, который произошел в Варшаве 21 сентября 2007 года: «В пятницу, 21 сентября 2007 года, после многих злоключений и ужасного скандала, во время которого мой муж ударил меня и сотрудника Центра, поддерживающего женщин, которые стали жертвами бытового насилия, в присутствии полицейских мне удалось забрать сына и уехать к моим знакомым в Пловдив». Автор просила предоставить ей защиту от ужаса и насилия, ссылаясь на Конвенцию и другие договоры в области прав человека, касающиеся бытового насилия, в том числе на Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Международный пакт о гражданских и политических правах. Она также просила суд принять меры сроком на один год в соответствии с подпунктами 1, 3 и 4 пункта 1 статьи 5 Закона о защите от бытового насилия, то есть запретить ее мужу применять бытовое насилие в отношении ее и ее детей (подпункт 1) и не приближаться на расстояние менее 500 метров к дому, в котором они живут, или к любому месту, в котором они находятся, в том числе к дому ее родителей, школе и детскому саду, которые посещают дети, ее будущему месту работы и любому месту, в котором она участвует в социальных контактах (подпункт 3). Согласно подпункту 4 пункта 1 статьи 5 Закона она также обратилась с просьбой о предоставлении временной опеки над детьми.

2.16 27 сентября 2007 года окружной суд Пловдива издал приказ о незамедлительном обеспечении защиты на основании статьи 18 Закона о защите от бытового насилия. Суд предписывает мужу автора воздерживаться от применения бытового насилия в отношении автора и не приближаться к жилью автора и ее детей, а также к местам социальных контактов и отдыха до конца судебного разбирательства, с немедленным вступлением приказа в силу. Суд также постановил, что временное местопребывание детей будет с автором сообщения.

2.17 26 октября 2007 года во время первого слушания дела в окружном суде Пловдива муж автора опротестовал все обвинения, выдвинутые автором в заявлении на выдачу судебного приказа о незамедлительном обеспечении защиты. На втором слушании дела 15 ноября 2007 года были заслушаны свидетельские показания отца автора и ее друга, а на третьем слушании 21 ноября 2007 года в качестве свидетеля выступила свекровь автора.

2.18 Своим решением от 18 декабря 2007 года окружной суд Пловдива отклонил заявление автора о вынесении постоянного приказа о защите в соответствии с подпунктами 1, 3 и 4 пункта 1 статьи 5 Закона о защите от бытового насилия. Суд применил пункт 1 статьи 10 Закона, в котором говорится, что заявление о вынесении приказа о защите следует подавать в течение одного месяца с даты совершения акта бытового насилия, и установил, что бытовое насилие в отношении автора со стороны ее мужа не применялось ни 21 сентября 2007 года, ни в любое другое время в течение соответствующего периода в один месяц до подачи заявления с просьбой о вынесении приказа о защите (с 27 августа по 27 сентября 2007 года). Суд также счел, что непосредственная угроза для жизни и здоровья автора и ее детей отсутствует.

2.19 7 января 2008 года автор подала апелляционную жалобу в региональный суд Пловдива, заявив о том, что окружной суд Пловдива проигнорировал соответствующие доказательства, такие как исковое заявление, сделанное ею в соответствии со статьей 9(3) Закона о защите от бытового насилия, и письменное заявление, изданное Варшавским центром по правам женщин в связи с инцидентом, имевшим место 21 сентября 2007 года, основывая свое решение лишь на письменном заявлении от 25 октября 2007 года, сделанном директором детского сада в Варшаве и представленном ее мужем. Она также утверждала, что угрозы и насилие мужа в отношении нее являются не единичным случаем, а моделью систематического агрессивного поведения. Тот факт, что эти инциденты имели место в присутствии детей, делает их равнозначными применению бытового насилия в отношении них.

2.20 7 апреля 2008 года региональный суд Пловдива отклонил апелляционную жалобу автора, оставив в силе решение, согласно которому окружной суд Пловдива отказался выносить постоянный приказ о защите.

2.21 После окончания судебного разбирательства автор и ее дети остались без поддержки и защиты со стороны государства-участника, хотя дело о разводе, инициированное мужем автора, все еще находилось на рассмотрении окружного суда Пловдива. Ее муж продолжал видеться с детьми. Летом 2008 года он подал жалобу в прокуратуру Софии в связи с тем, что ему не разрешают входить в квартиру автора, единственное безопасное место, где она с детьми может жить нормальной жизнью. Он также подал гражданский иск о разделе имущества семьи до окончания судебного разбирательства в связи с разводом. Он заявил, что ни один болгарский суд не передаст детей под опеку автора из-

за низкого уровня ее доходов, предупредив ее о том, что она будет не в состоянии вести длительные судебные разбирательства.

2.22 8 мая 2009 года, более чем через год после того, как региональный суд отклонил ее жалобу, региональный суд Пловдива расторг брак между автором и ее мужем.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что она является жертвой насилия в соответствии со статьей 1, пунктами (a)–(c) и (e)–(g) статьи 2, пунктом (a) статьи 5 и пунктами (c), (g) и (h) статьи 16(1) Конвенции в свете общей рекомендации Комитета № 19 (1992) касательно насилия в отношении женщин, поскольку государство-участник не смогло обеспечить ей эффективную защиту от бытового насилия.

3.2 Автор утверждает, что государство-участник пренебрегает своими «позитивными» обязательствами, предусмотренными Конвенцией, и поддерживает сохранение ситуации, связанной с применением в отношении нее бытового насилия, в нарушение своих обязательств в соответствии с Конвенцией.

3.3 Автор утверждает, что она является жертвой насилия в соответствии со статьей 1 и пунктами (a)–(c) и (e)–(g) статьи 2. Она утверждает, что ситуация, когда суды в Болгарии не воспринимают домашнее насилие серьезно, как угрозу для жизни и здоровья женщин, наносит гораздо больший ущерб их интересам, чем интересам мужчин. Ссылаясь на ряд докладов неправительственных организаций, автор утверждает, что насилие в отношении женщин препятствует реализации прав женщин в Болгарии и что до недавнего времени это не считалось серьезной государственной проблемой, требующей специального правового регулирования. Она заявляет, что, несмотря на принятие в 2005 году Закона о защите от бытового насилия, суды по-прежнему пренебрегают своей обязанностью наказывать лиц, виновных в совершении бытового насилия. Она считает, что отсутствие надлежащей и адекватной юридической подготовки является одной из причин неспособности судебной системы государства-участника обеспечить ей эффективную защиту от бытового насилия. В соответствии с Законом о защите от бытового насилия суд может издавать запретительные приказы о выселении виновного из общего дома семьи, запрете приближаться к жертве и временном изъятии детей из-под опеки виновного, а также принять постановление о прохождении им или ею обязательной образовательной программы. Однако несмотря на то, что Закон предусматривает специальные безотлагательные процедуры разбирательства в гражданском суде по делам о бытовом насилии, он не признает бытовое насилие уголовным преступлением и не предусматривает уголовную ответственность за невыполнение приказов о защите. Преследование за бытовое насилие может осуществляться только в соответствии с общими положениями о нападении с нанесением побоев или телесных повреждений (статья 161 Уголовного кодекса). Кроме того, определенные типы нападения исключены из перечня уголовно наказуемых преступлений, если они совершены членом семьи, хотя государство-участник преследует в уголовном порядке виновных в аналогичных преступлениях, если они совершены не членом семьи. На практике бытовое насилие преследуется в уголовном порядке только в том случае, если жертва была убита или получила неизлечимую травму, но даже в этих случаях виновный иногда остается безна-

казанным. Именно по этим причинам автор не подала в органы государства-участника заявление о совершении уголовного преступления в связи с попытками мужа задушить ее. Автор утверждает, что в связи с настоящим делом суды Пловдива игнорировали многолетнее эмоциональное, психологическое, экономическое и физическое насилие, от которого она страдала, и ошибочно сделали вывод о том, что обе стороны в равной степени несут ответственность за свои конфликты. Суды также недооценили негативные последствия насилия, совершенного ее мужем, с точки зрения влияния на развитие детей и полученной ими эмоциональной травмы.

3.4 Автор также утверждает, что государство-участник нарушило ее права, предусмотренные пунктами (а) и (b) статьи 2 Конвенции. Она заявляет, что из-за отсутствия специального закона о равенстве между женщинами и мужчинами насилие в отношении женщин не признается формой дискриминации, а отсутствие позитивных мер в пользу женщин, пострадавших от насилия в семье, на практике приводит к неравенству и лишает ее возможности пользоваться своими правами человека. Она указывает на то, что в своих заключительных замечаниях по Болгарии 1998 года (A/53/38, пункты 208–261) Комитет выделил проблему насилия в отношении женщин, в том числе бытового насилия, и призвал правительство «разработать перечень медицинских, психологических и других мер для оказания помощи женщинам, ставшим жертвами насилия, и изменить преобладающий подход к бытовому насилию как к частной проблеме...». Автор также упоминает об общей рекомендации № 19 (1992) в связи с насилием в отношении женщин, в которой Комитет заявляет о том, что гендерное насилие, которое ограничивает возможности женщин или лишает их возможности пользоваться правами человека, является дискриминацией в отношении женщин в отношении женщин по определению статьи 1 Конвенции. Комитет также отметил, что государства-участники могут быть привлечены к ответственности за частные действия, если они не действуют надлежащим образом, чтобы предотвратить нарушения прав женщин или провести расследование и вынести наказание в связи с актами насилия в отношении женщин. В своей общей рекомендации № 21 (1994), касающейся равноправия в браке и семейных отношениях, Комитет отметил, что обычай, традиция и неспособность применять законы, обеспечивающие равноправие и защиту от насилия, противоречат Конвенции. Далее автор утверждает, что для того, чтобы отдельная женщина, ставшая жертвой бытового насилия, могла на практике воспользоваться реализацией принципа равенства между мужчинами и женщинами, политическая воля, проявленная в рамках системы государства-участника, должна опираться на поддержку государственных органов, надлежащим образом придерживающихся обязательств государства-участника. Автор делает вывод о том, что ее дело служит иллюстрацией того факта, что государство-участник не выполняет свои обязательства, предусмотренные пунктами (а) и (b) статьи 2 Конвенции.

3.5 Автор утверждает, что государство-участник нарушило пункты (с) и (е) статьи 2 Конвенции, поскольку не смогло защитить ее от многолетнего психологического и эмоционального бытового насилия, нападок, побоев, принуждения и угроз для ее жизни и облегчить ее экономическую зависимость от мужа. В рамках своей судебной системы государство-участник отказалось признать ее статус жертвы бытового насилия, несмотря на собранные доказательства и поддержку различных неправительственных организаций. Таким образом, она

оказалась в еще более уязвимом положении и подвергалась опасности в большей степени, чем до возбуждения судебного разбирательства, поскольку государство-участник не смогло обеспечить ей защиту после завершения судебных разбирательств, связанных с приказом о защите. Ее муж, в отсутствие какого-либо вмешательства государства в его «личные дела», стал вести себя по отношению к ней еще более агрессивно. Кроме того, он постоянно угрожал ее финансовой стабильности, заставляя ее согласиться с его предложением оставить детей с ним и отдать ему большую часть имущества семьи.

3.6 По мнению автора, об отсутствии защиты от бытового насилия также свидетельствуют следующие акты бездействия государства-участника: а) неспособность криминализировать бытовое насилие, в том числе неспособность задержать виновных в бытовом насилии и криминализировать невыполнение приказов о защите; б) отсутствие эффективного обеспечения выполнения Закона о защите от бытового насилия и отсутствие в законе ясности в том, что касается бремени доказывания в ходе судебных разбирательств, связанных с бытовым насилием; с) отсутствие координации действий между правоохранительными и судебными органами; d) недостаточное финансирование приютов и кризисных центров; e) отсутствие профилактических программ и программ защиты жертв, а также программ, направленных на ресоциализацию правонарушителей; f) неспособность подготовить сотрудников правоохранительных органов и судей по вопросам бытового насилия; и g) нежелание собирать статистические данные о бытовом насилии.

3.7 Автор с обеспокоенностью отмечает, что пловдивские суды приняли во внимание только события, произошедшие 21 сентября 2007 года, не изучив долгую предысторию физического и психологического насилия, которое приносило ей страдания. Отметив, что обе стороны в равной степени несут ответственность за семейные конфликты, суд игнорировал тот факт, что ее муж физически гораздо сильнее ее и занимает доминирующее положение в их браке. В своем замечании о том, что она никогда не заявляла о том, что подверглась насилию 21 сентября 2007 года, суд игнорировал ее обвинение в том, что 21 сентября 2007 года муж напал на нее и представителя Центра, который сопровождал ее во время посещения детского сада. Даже в присутствии полицейских он вел себя так, что его пришлось удерживать в полицейской машине. Суд также игнорировал другие факты, представленные автором, в том числе тот факт, что муж лишил ее возможности поддерживать какие-либо контакты с сыном в течение более двух месяцев. Кроме того, решение суда было весьма кратким и не включало ни информации о ее мотивах, ни анализа положения, в котором она оказалась.

3.8 Автор утверждает, что отсутствие ясности в Законе о защите от бытового насилия в том, что касается бремени доказывания в ходе судебного разбирательства, связанного с бытовым насилием, несовместимо с обязанностью государства-участника по обеспечению защиты от насилия в семье и является дискриминационным, поскольку недостатки этого Закона непропорционально влияют на положение женщин, которые обычно являются жертвами бытового насилия. Хотя этот Закон предусматривает снятие бремени доказывания при рассмотрении дел о бытовом насилии, этот аспект изложен в нем недостаточно четко. В качестве альтернативы в Законе содержится ссылка на нормы доказательственного права Гражданского процессуального кодекса. В результате отсутствия надлежащей юридической подготовки многие судьи продолжают

применять критерий «доказанности при отсутствии обоснованного сомнения» при рассмотрении дел, касающихся вынесения приказов о защите. Автор утверждает, что, исходя из этого, суды требовали от нее доказать при отсутствии разумных оснований для сомнения то, что она подверглась физическому нападению и получила телесные повреждения 21 сентября 2007 года, и представить для этого доказательство в письменной форме. Она утверждает, что в результате такого толкования и применения Закона о защите от бытового насилия, при котором не учитываются какие-либо доказательства применения насилия, в отношении нее до 27 августа 2007 года, то есть до начала периода в один месяц, суды не сняли с нее бремя доказывания, тем самым лишив ее эффективной судебной защиты. Автор поясняет, что цель Закона состоит в том, чтобы обеспечивать эффективную защиту жертв бытового насилия с учетом всей истории применения насилия, а 30-дневный срок, предусмотренный статьей 10 Закона, является чисто процедурными временными рамками для подачи жалоб.

3.9 Автор утверждает, что государства-участники должны обеспечивать пострадавшим от бытового насилия доступ к безотлагательной защите, в том числе предоставить достаточное количество необходимых приютов, обеспечивающих безопасное проживание женщинам и их детям. Автор указывает на то, что в своих ответах в связи с исследованием Совета Европы, проведенном в 2007 году, государство-участник сообщило о наличии трех приютов для пострадавших от бытового насилия, которые рассчитаны в общей сложности на 15 мест и предлагают круглосуточную бесплатную помощь. Однако она заявляет, что большинство приютов и кризисных центров организованы и финансируются неправительственными организациями, не получают государственной поддержки и географически неравномерно распределены по территории страны. Они являются бесплатными лишь потому, что существуют на средства неправительственных организаций, а не благодаря поддержке со стороны государства. Не все приюты работают круглосуточно и без выходных. Автор отмечает, что из-за нехватки приютов и кризисных центров, организованных и финансируемых государством, автор с детьми были вынуждены по возвращении в Польшу почти неделю жить у друзей, поскольку фонд ДИВА в Пловдиве был переполнен и поэтому не мог сразу же предоставить им место.

3.10 Далее автор утверждает, что государство-участник нарушило пункты (f) и (g) статьи 2 Конвенции, поскольку статья 161 Уголовного кодекса по-прежнему исключает уголовное преследование *ex officio* за определенные телесные повреждения, если они нанесены членом семьи. Она указывает, что, даже если женщина постоянно получает телесные повреждения, судебное преследование в связи с бытовым насилием возбуждается не всегда. Она утверждает, что любое преднамеренное поведение, приводящее к насилию в отношении женщин, должно быть конкретно криминализовано, независимо от характера отношений между пострадавшей и виновником насилия. Однако статья 161 Уголовного кодекса до сих пор не отменена, несмотря на тот факт, что она предусматривает дискриминацию в отношении женщин, пострадавших от гендерного насилия в семье. Что касается отсутствия специального закона о гендерном равенстве, то, как поясняет автор, законопроект о равных возможностях был отклонен парламентом в 2002 году и в 2003 году был принят Закон о защите от дискриминации, который также запрещает дискриминацию по признаку пола. Кроме того, отсутствие финансируемого государством исследования распристрастности, причин и последствий бытового насилия косвенно способствует

сохранению такого негативного явления, как насилие, из-за отсутствия информации о количестве таких случаев, их преобладании и распространенности. В результате этого ни государственные органы, ни общество не воспринимают его в качестве серьезного нарушения прав человека, от которого страдает большая группа людей, в основном женщин и детей, таких как автор сообщения и ее дети.

3.11 Кроме того, автор утверждает, что государство-участник нарушило статью 1 в сочетании с пунктом (а) статьи 5 и пунктами (с), (g) и (h) статьи 16(1) Конвенции. Она указывает на то, что неспособность государства-участника принять комплексную концепцию преодоления традиционных стереотипных подходов к роли женщины в семье и обществе, включая политические и правовые меры и меры по повышению информированности общественности, охватывающие государственных чиновников, гражданское общество и средства массовой информации, содействовала тому, что она оказалась в зависимом положении в браке, где к ней относились как к домашней работнице, не имеющей права голоса в семейных делах, а также тому, что она стала жертвой бытового насилия.

3.12 Автор просит государство-участник: а) принять незамедлительные эффективные меры по обеспечению защиты физической и интеллектуальной неприкосновенности ее и ее детей; б) обеспечить безопасность их дома и предоставить ей адекватное денежное пособие на детей и правовую помощь; с) предоставить ей адекватную компенсацию нанесенного ущерба для здоровья и причиненного морального вреда пропорционально серьезности нарушений ее прав, предусмотренных Конвенцией.

3.13 Автор также утверждает, что государство-участник должно принять общие меры в интересах женщин, пострадавших от бытового насилия, включая внесение поправок в Закон о защите от бытового насилия, с тем чтобы криминализовать акты насилия в семье и нарушения приказов о защите, а также обеспечить выдачу приказов о защите от актов насилия, совершенных до периода в один месяц, о котором говорится в статье 10 Закона; содержать виновных под стражей в зависимости от тяжести преступления; внести поправки в уголовное законодательство в целях проведения судебного расследования *ex officio* по делам, связанным с побоями легкой и средней тяжести, когда пострадавший и виновный являются родственниками; установить бремя доказывания в разбирательствах, связанных с бытовым насилием, четко заявив, что Закон о защите от бытового насилия требует снятия с жертвы бремени доказывания; постоянно повышать квалификацию должностных лиц, ответственных за применение Закона; оказывать надлежащую поддержку неправительственным организациям, которые ведут работу по борьбе с бытовым насилием; и повышать информированность общественности о негативных последствиях бытового насилия для женщин и детей, а также его финансовых последствиях для общества.

3.14 Автор утверждает, что она использовала все имеющиеся на национальном уровне средства правовой защиты и что такой вопрос не рассматривался в рамках других процедур международного расследования или урегулирования.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и по существу дела

4.1 12 июня 2009 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и по существу сообщения. Прямо признавая, что автор использовала все имеющиеся на национальном уровне средства правовой защиты, оно отклоняет ее утверждения как недостаточно обоснованные. Что касается существа дела, то государство-участник утверждает, что автор приводит огульные утверждения общего характера, не имеющие прямого отношения к ее делу. Тем не менее оно предоставляет обзор своей законодательной и институциональной базы защиты и поддержки жертв бытового насилия и приводит исчерпывающие замечания по существу дела.

4.2 Государство-участник утверждает, что в соответствии с его Конституцией «любые международные инструменты, которые были ратифицированы в соответствии с конституционно установленными процедурами, введены в действие или вступили в силу в отношении Республики Болгарии, следует считать частью национального законодательства страны. Они должны заменять любое национальное законодательство, предусматривающее обратное». Государство-участник также утверждает, что Закон о защите от дискриминации запрещает прямую и косвенную дискриминацию по признаку пола. Государство-участник не оспаривает факты по делу в той форме, в которой они представлены автором. Однако оно подчеркивает, что большинство приведенных инцидентов, на которые она ссылается, произошли в Варшаве и, следовательно, за пределами юрисдикции государства-участника.

4.3 В своих замечаниях по существу дела государство-участник признает, что оно приняло надлежащие меры в соответствии с Конвенцией, чтобы обеспечить надлежащую защиту от бытового насилия, включая принятие специального законодательства. Таким образом, ускоренная процедура *suī generis* в Законе о защите от бытового насилия 2005 года, позволяющая судам издавать приказы о принятии незамедлительных защитных мер и снимать с жертв бремя доказывания, соответствует самым высоким международным стандартам в области прав женщин. В определенных случаях он предусматривает возможность издавать приказы о защите только на основании заявления пострадавшего лица и принимать незамедлительные меры в течение 24 часов. В ходе основного разбирательства документы, подготовленные организациями, оказывающими поддержку жертвам бытового насилия, могут быть приняты в качестве доказательства.

4.4 Государство-участник заявляет, что автор не оспаривает то, что вышеупомянутая процедура была эффективно применена в связи с ее делом. Таким образом, 27 сентября 2007 года окружной суд Пловдива начал разбирательство в соответствии со статьей 18 Закона о защите от бытового насилия и обеспечил незамедлительное издание приказа о защите, приняв меры, предусмотренные подпунктами 1, 3 и 4 пункта 1 статьи 5, а также пунктом 3 статьи 5 Закона, касающимся временного местопребывания детей с автором. Государство-участник заключает, что оно не может нести ответственность за продолжение указанной ситуации бытового насилия. Оно утверждает, что автор не смогла обосновать свое заявление о том, что она с детьми осталась без защиты государства-участника после решения от 18 декабря 2007 года, когда окружной суд

отклонил выдачу постоянного приказа о защите, и во время последующего апелляционного производства по делу в региональном суде Пловдива.

4.5 Что касается заявления автора о том, что суды Пловдива игнорировали историю бытового насилия, которому она подверглась, и негативные последствия насилия для детей, возложив бремя доказывания исключительно на нее, государство-участник утверждает, что в связи с апелляцией региональный суд Пловдива указал на то, что целью Закона о защите от бытового насилия является не осуществление надзора за семейной жизнью супругов, а обеспечение срочного судебного вмешательства в случаях, когда бытовое насилие может быть неизбежным, но в пределах срока в один месяц, как предусмотрено пунктом 1 статьи 10. В законе четко прописано, что событий, связанных с семейной жизнью автора и ее мужа, источниками их конфликтов и возможным существованием модели агрессивного поведения, было бы достаточно для принятия решения о строгих постоянных мерах в отношении ее мужа. Однако эти меры могут быть приняты только после того, как будет доказано, что акт бытового насилия произошел в течение соответствующего периода в один месяц, а именно 21 сентября 2007 года. В связи с отсутствием таких доказательств этот вопрос не поднимался. Суд отметил, что, хотя заявления автора в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Закона о защите от бытового насилия было достаточно для издания приказа о принятии незамедлительных защитных мер, для издания постоянного приказа требовался более высокий стандарт доказанности. Суд постановил, что автор не смогла доказать, что ее муж нарушил ее физическую неприкосновенность 21 сентября 2007 года. Региональный суд счел, что справка, выданная директором Центра по правам женщин, имеет ограниченную доказательственную ценность и не содержит информации о насилии, примененном мужем. В частности, в ней говорится, что 21 сентября 2007 года муж автора демонстрировал агрессивное поведение и был предупрежден полицейскими о том, что не следует нарушать физическую неприкосновенность автора и представителя Центра. Что касается бремени доказывания, то региональный суд счел, что медицинские справки и другие доказательства свидетельствуют о «двустороннем процессе нетерпимости между двумя супругами, в котором различия между виновным и потерпевшим размыты».

4.6 Государство-участник утверждает, что отсутствие какого-либо вмешательства со стороны полиции после издания приказа о принятии незамедлительных защитных мер 27 сентября 2007 года свидетельствует об отсутствии нарушений приказа и обеспечении необходимой защиты автора и ее детей.

4.7 Государство-участник также утверждает, что показания отца автора не подтверждают ее заявление о том, что ее муж ограничивал ее контакты со своей семьей, а показания ее детей свидетельствуют о том, что они не боятся своего отца, что говорит о том, что он не применял насилие в отношении их.

4.8 Что касается событий 21 сентября 2007 года, то государство-участник утверждает, что окружной суд Пловдива, а затем региональный суд Пловдива установили при отсутствии обоснованного сомнения, что в этот день не было совершено никакого акта бытового насилия. Таким образом, ни автор, ни ее дети не подвергались насилию в течение одного месяца, о котором говорится в пункте 1 статьи 10 Закона о защите от бытового насилия. Учитывая то, что суд не выявил наличия непосредственной угрозы для жизни и здоровья автора и ее детей, законодательные предпосылки для издания постоянного приказа о защи-

те отсутствовали. Отмечая, что серьезные семейные скандалы происходили между автором и ее мужем в присутствии детей и неоднократно приводили к физическому насилию, суд решил, что насилие проявлялось со стороны обоих супругов. Оба супруга представляли медицинские справки и несколько раз вызывали полицию. Не было получено никаких доказательств, что муж автора применял насилие в отношении детей, которые любят и не боятся его. Суд также считал, что автор не смогла доказать свои заявления о том, что ее муж ограничивал ее социальные контакты, препятствовал ее выходу на работу и не заботился о детях.

4.9 Государство-участник заключает, что автор не смогла доказать свои утверждения о нарушении ее прав, предусмотренных Конвенцией.

Временные меры защиты

5.1 12 февраля 2009 года Комитет в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола и правилом 63 правил процедуры обратился к государству-участнику с просьбой принять такие надлежащие и конкретные временные меры по обеспечению защиты автора и ее детей, которые необходимы для того, чтобы избежать непоправимого вреда, который может быть нанесен им, пока Комитет рассматривает сообщение. Комитет также попросил государство-участник обеспечить защиту и физическую неприкосновенность автора и ее детей на постоянной основе, в том числе в то время, когда муж автора реализует свои права на посещение места проживания автора. Он также предложил государству-участнику представить информацию о мерах, принятых в соответствии с запросом Комитета, не позднее 13 апреля 2009 года.

5.2 Государство-участник не ответило на просьбу о принятии временных мер защиты в своем представлении относительно приемлемости и по существу дела от 12 июня 2009 года. Вследствие этого 16 июня 2009 года Комитет повторил свой запрос о незамедлительном предоставлении информации о характере мер, принятых государством-участником во исполнение просьбы Комитета о временных мерах.

5.3 1 июля 2009 года государство-участник ответило на запрос Комитета, напомнив о том, что окружной суд Пловдива издал приказ о принятии незамедлительных защитных мер 27 сентября 2007 года, указав мужу автора на то, чтобы он не применял бытовое насилие в отношении автора и ее детей и не приближался к дому автора, а также постановил, что дети будут временно проживать с автором до окончания основного судебного разбирательства. Оно также указало на то, что после тщательного рассмотрения фактов по делу окружной и региональный суды установили при отсутствии обоснованного сомнения, что в отношении автора не совершался акт бытового насилия. Государство-участник подтвердило, что отсутствие какого-либо дальнейшего вмешательства со стороны полиции свидетельствует об отсутствии нарушений приказа о защите от 27 сентября 2007 года и о предоставлении необходимой защиты автору и ее детям. Государство-участник подчеркнуло, что, хотя меры защиты, предусмотренные Законом о защите от бытового насилия, не были продлены, у автора есть право в любое время в случае угрозы бытового насилия обратиться в полицию за защитой в соответствии со статьей 6 Закона о Министерстве внутренних дел. Государство-участник утверждало, что защита жизни, здоровья и имущества граждан является одной из основных задач полиции. Оно заключи-

ло, что автор и ее дети продолжают пользоваться защитой, необходимой для того, чтобы избежать нанесения им непоправимого вреда и обеспечить их физическую и интеллектуальную неприкосновенность, и что для этого не потребовались дополнительные меры.

5.4 21 июля 2009 года Комитет информировал государство-участник о том, что «Комитет исходит из понимания того, что государство-участник принимает все необходимые меры защиты, чтобы избежать нанесения непоправимого вреда автору и ее детям и продолжать обеспечивать их физическую и интеллектуальную неприкосновенность».

Комментарии автора в отношении замечаний государства-участника о приемлемости и по существу дела и временных мер защиты

6.1 8 августа 2009 года автор прокомментировала представление государства-участника, которое, по ее мнению, является лишь повторением выводов судов Пловдива без опровержения ее утверждений. Она утверждает, что доклады неправительственных организаций и статистические данные, на которые она ссылалась в своем сообщении, подтверждают содержащиеся в нем факты и утверждения. Она ставит под сомнение эффективность институтов государства-участника в борьбе с бытовым насилием и вновь заявляет о том, что без эффективного обеспечения осуществления национальными судами и властями и без надлежащего понимания ими особой природы бытового насилия Закон о защите от бытового насилия будет оставаться лишенным смысла. Государство-участник лишь предоставило информацию о правовой базе в отношении гендерного равенства и дискриминации, вместо того чтобы представить информацию о бытовом насилии и мерах по обеспечению выполнения Закона, таких как подготовка судей и работников правоохранительных органов и проведение программ реабилитации для жертв бытового насилия.

6.2 Автор заявляет, что утверждение государства-участника, что она никогда не заявляла о том, что подверглась жестокому обращению 21 сентября 2007 года, является неточным и игнорирует ее заявление об издании приказа о незамедлительной защите, который был принят и в котором говорится о том, что она и сопровождающий ее представитель Центра подверглись нападению со стороны ее мужа в присутствии полиции, как об этом свидетельствует письменное заявление Центра.

6.3 Что касается бремени доказывания, то автор подчеркивает, что государство-участник само признало, что Закон о защите от бытового насилия лишь «делает возможным», а не безусловно требует снять с жертвы бытового насилия бремя доказывания. Она вновь заявляет, что отсутствие ясности в Законе и его интерпретация судами в непропорциональной степени негативным образом сказываются на женщинах. В настоящем деле суды возложили на нее бремя доказывания при отсутствии разумного сомнения, что ее муж нарушил ее физическую неприкосновенность 21 сентября 2007 года, и потребовали представить доказательства этого в письменной форме.

6.4 С точки зрения автора, различие, проводимое государством-участником между провоцированием скандала в качестве двустороннего акта и насилием, которое является по своей природе односторонним актом, а также его определение насилия как физического акта мешает понять комплексную природу бытового насилия, особенно эмоционального и психологического насилия. Узкая

интерпретация судами бытового насилия как непосредственной угрозы для жизни и здоровья жертвы не включает эмоциональной и психологической неприкосновенности пострадавших от бытового насилия.

6.5 Что касается временных мер, то автор выражает обеспокоенность по поводу того, что государство-участник после запроса Комитета в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола сначала не ответило на запрос и не связалось с ней, чтобы договориться о применении таких мер. В своем ответе от 1 июля 2009 года государство-участник в основном ссылается на приказ окружного суда о принятии незамедлительных защитных мер, несмотря на тот факт, что приказ потерял силу с момента принятия окончательного решения регионального суда от 7 апреля 2008 года.

6.6 Автор утверждает, что сразу после истечения срока действия приказа о незамедлительной защите ее муж стал опять преследовать ее и детей, неоднократно звонил, пытался манипулировать ими, чтобы они согласились с его позицией, и предъявлял автору обвинения в преступлении. В свете общей продолжительности судебных разбирательств она решила урегулировать вопрос мирным путем и разрешить ему видеться с детьми один раз в месяц. Ее муж воспринял это как уступку с ее стороны и усилил попытки заставить ее передать ему опеку над детьми. Его заявления в суд с просьбой дать ему возможность провести летние каникулы с детьми и забрать сына, чтобы он жил с ним в Польше, то есть разделить детей, были отклонены. Он также жаловался в прокуратуру на то, что ему не разрешают входить в квартиру, где проживают автор и дети. Автор утверждает, что до решения окружного суда Пловдива о разводе от 8 мая 2009 года она всегда находилась в состоянии стресса и жила в постоянном страхе.

6.7 Автор утверждает, что в результате решения судов не издавать постоянный приказ о защите государство-участник не смогло обеспечить защиту ей и ее детям. Другие доступные для нее меры, предусмотренные Законом о Министерстве внутренних дел, были бы неэффективными, поскольку они могли привести только к изданию в отношении ее мужа письменного предупреждения о недопустимости преследования автора. Бытовое насилие не предусматривает конкретной уголовной ответственности, и определенные виды насилия не подпадают под уголовное преследование *ex officio*, если они совершены членом семьи. В результате халатности государства-участника и его неспособности обеспечить необходимую защиту, чтобы избежать нанесения непоправимого вреда автору и ее детям, они понесли значительный моральный и психологический ущерб во время бракоразводного процесса.

6.8 Автор утверждает, что довод государства-участника о том, что она должна была представить новые факты для принятия дополнительных мер незамедлительной защиты, является ошибочным, поскольку государство-участник обязано выполнять требование Комитета о принятии временных мер в соответствии с Факультативным протоколом. Она также утверждает, что государство-участник лишь на словах признает свои обязательства, предусмотренные Конвенцией, но не выполняет их на практике и не представляло доклады Комитету с 1994 года.

Дополнительные замечания государства-участника

7.1 7 декабря 2009 года государство-участник представило замечания в связи с комментарием автора, заявляя, что Закон о защите от бытового насилия предоставляет ей эффективные средства правовой защиты. В отсутствие других поданных ею заявлений о предоставлении защиты от бытового насилия следует предположить, что инцидент, произошедший 21 сентября 2007 года, был единичным конфликтом между автором и ее мужем. Государство-участник вновь заявляет, что тот факт, что она не сообщала о каких-либо новых инцидентах между ней и ее мужем после издания приказа о принятии незамедлительных защитных мер 27 сентября 2007 года, свидетельствует о том, что меры по защите, принятые государством-участником, были эффективными и адекватными. В любом случае, автор не использовала средства правовой защиты, имеющиеся в национальном законодательстве по поводу каких-либо возможных инцидентов, о которых она не уведомила органы власти государства-участника.

7.2 Государство-участник указывает на то, что настоящее дело не аналогично делу «А.Т. против Венгрии» (сообщение № 2/2003), в связи с которым Комитет выявил нарушение Венгрией ее обязательств по Конвенции, предусматривающих предоставление автору эффективной защиты от угроз для ее жизни, обеспечение ее физической неприкосновенности и охрану ее физического и психического здоровья. В отличие от Венгрии, где в то время не действовал специальный закон о защите от бытового насилия и не предусматривалось вынесение приказа о задержании или о защите пострадавших от насилия, в настоящем деле автору была предоставлена незамедлительная и адекватная защита в соответствии с Законом о защите от бытового насилия. Таким образом, заявление автора о том, что государство-участник не предоставило ей незамедлительной защиты от ее мужа и что правовая и институциональная база по-прежнему является неадекватной для предоставления скоординированной, всесторонней и эффективной защиты и поддержки жертвам бытового насилия, представляется явно необоснованным.

7.3 14 сентября 2010 года по просьбе Секретариата государство-участник представило переводы Закона о защите от бытового насилия и бракоразводного решения окружного суда Пловдива от 8 мая 2009 года о прекращении брака между автором и ее мужем. Суд постановил, что оба супруга виновны в том, что брак распался: «Было установлено, что оба супруга часто спорили, ссорились и обменивались словесными оскорблениями, а также прибегали к физическому насилию. Факты, свидетельствующие о физическом насилии, содержатся в докладе социальных служб, представленном соответствующими управлениями социальной помощи в связи с рассмотрением дела в суде, как это требуется, и медицинских справках... касающихся побоев, нанесенных жене. Жена, в свою очередь, использовала бранные слова по отношению к своему мужу, как было установлено из показаний, которые также свидетельствуют о том, что инициатором ссор нередко являлась жена». На основании доклада социальных служб от 17 октября 2007 года, представленного Бюро социальной помощи Пловдива, суд счел, что для наилучшего обеспечения интересов детей их не следует разделять и, учитывая тот факт, что автор обеспечивает необходимый уход за ними, а также их возраст, передал детей под опеку автора, предоставив отцу права на посещение детей. Он также постановил, чтобы отец выплачивал алименты на детей.

Вопросы и разбирательства, рассматриваемые Комитетом

Представление о приемлемости

8.1 В соответствии с пунктом 4 правила 72 правил процедуры, Комитет рассмотрит приемлемость оснований, предусмотренных статьями 2, 3 и 4 Факультативного протокола, прежде чем рассматривать сообщение по существу.

8.2 В связи с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола Комитет отмечает, что автор заявил, а государство-участник прямо признало, что автор исчерпал все средства правовой защиты, имеющиеся в национальном законодательстве.

8.3 В связи с пунктом 2(a) статьи 4 Факультативного протокола Комитет был информирован о том, что аналогичное дело еще не рассматривалось и не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного расследования или урегулирования.

8.4 В связи с доводом государства-участника, что автор не смогла обосновать свое заявление о том, что она пострадала в результате нарушения статьи 1, пунктов (a)–(c) и (e)–(g) статьи 2, пункта (a) статьи 5, статьи 15 и пунктов (c), (g) и (h) статьи 16(1) Конвенции, Комитет считает, что она привела достаточно доводов для доказательства, чтобы обосновать свои претензии для целей вынесения решения о приемлемости.

8.5 У Комитета нет причин для того, чтобы считать это сообщение неприемлемым на каких-либо других основаниях, и, таким образом, Комитет признает ее приемлемой.

Рассмотрение по существу

9.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение с точки зрения всей информации, представленной автором и государством-участником в соответствии с пунктом 1 статьи 7 Факультативного протокола.

9.2 Комитет считает, что сутью настоящего сообщения является утверждение автора о том, что государство-участник не смогло предоставить ей эффективную защиту от бытового насилия в нарушение пунктов (c) и (e)–(g) статьи 2, истолкованной в совокупности со статьей 1 и статьями 5(a) и 16 Конвенции.

9.3 Комитет напоминает, что в соответствии с общей рекомендацией № 19, дискриминация по смыслу статьи 1 включает насилие в отношении женщин по признаку пола¹. Такая дискриминация не сводится к действию со стороны или от имени правительств. Скорее, в соответствии с пунктом (e) статьи 2 Конвенции, государства-участники могут также нести ответственность за частные действия, если они не могут надлежащим образом предотвратить нарушения прав или проводить расследование и выносить наказание в связи с актами насилия, а также за предоставление компенсации².

9.4 Комитет отмечает, что государство-участник приняло меры по обеспечению защиты от бытового насилия, приняв Закон о защите от бытового насилия, который предусматривает ускоренную процедуру выдачи приказов о немедленной защите. Однако для того, чтобы автор могла на практике реализо-

¹ Общая рекомендация № 19 (1992) о насилии в отношении женщин, пункт 6.

² Там же, пункт 9.

вать принцип равенства между женщинами и мужчинами и свои права человека и основные свободы, политическая воля, выраженная в этом специальном законодательстве, должна опираться на поддержку всех государственных субъектов, в том числе судов, которые связаны обязательствами государства-участника³. Таким образом, перед Комитетом стоит вопрос о том, является ли отказ судов Пловдива издать постоянный приказ о защите от мужа автора, а также отсутствие мест в приютах, нарушением обязательства государства-участника по обеспечению эффективной защиты автора от бытового насилия.

9.5 Для этого в первую очередь требуется, чтобы автор подала заявление о выдаче постоянного приказа о защите. В своей жалобе от 27 сентября 2007 года в региональный суд Пловдива она просила о «вынесении приказа о незамедлительной защите в соответствии с положениями пункта 1 статьи 18 Закона о защите от бытового насилия» и просила суд принять меры, предусмотренные пунктом 1 (подпункты 3 и 4) статьи 5 Закона, которая предписывает принятие мер защиты, которые могут быть введены судами как в случае издания постоянных приказов о защите, так и в случае выдачи судебного постановления о принятии незамедлительных защитных мер на период от 3 до 18 месяцев. Комитет отмечает, что тот факт, что автор попросила ввести такие меры на срок в один год, подразумевает, что она одновременно подала заявление о вынесении постоянного приказа о защите в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Закона.

9.6 Комитет вновь заявляет, что он не вправе пересматривать оценку фактов и доказательств, данную национальными судами или органами власти, за исключением случаев, когда такая оценка носит необоснованный характер или является дискриминационной в каком-либо другом отношении. Таким образом, решающий вопрос заключается в том, является ли отказ судов Пловдива издать постоянный приказ о защите в отношении мужа автора необоснованным или дискриминационным в каком-либо другом отношении.

9.7 Комитет напоминает, что решение окружного суда Пловдива об отказе в вынесении постоянного приказа о защите в основном опиралось на исходное положение, что в течение соответствующего периода в один месяц с 27 августа по 27 сентября 2007 года в отношении автора или ее детей не совершались акты бытового насилия со стороны ее мужа и не существовало непосредственной угрозы для их жизни и здоровья. После подачи апелляции региональный суд Пловдива пришел к заключению, что автор не подтвердила тот факт, что удар, нанесенный ей мужем 21 сентября 2007 года, является актом насилия, возложив бремя доказывания на автора: «...В соответствии с описанием, нанесение удара не ассоциируется с нарушением физической [неприкосновенности] истца или, по меньшей мере, об этом не было заявлено и не было представлено никаких доказательств. Нанося удар кому-либо, вы можете совершить акт насилия, но только после превышения определенных пределов противоправного деяния, и в данном случае в заявлениях В. К. отсутствие четкое подтверждение того, как именно был нанесен удар, в частности, на день проведения процедуры, и как была нарушена ее неприкосновенность».

³ См. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, сообщение № 5/2005, *Хакан Гекче и другие против Австрии*, мнения, принятые 6 августа 2007 года, пункт 12.1.2, и сообщение № 6/2005, *Бану Акбак и другие против Австрии*, мнения, принятые 6 августа 2007 года, пункт 12.1.2.

9.8 Комитет напоминает, что насилие по признаку пола, представляющее собой дискриминацию по смыслу статьи 2, которая должна читаться в совокупности со статьей 1 Конвенции и общей рекомендацией № 19, не требует доказательств прямой или непосредственной угрозы для жизни или здоровья пострадавшего. Такие проявления насилия не сводятся к действиям, которые наносят физический вред, но включают и действия, которые причиняют ущерб или страдания психического или полового характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы⁴. В то же время в пункте 1 статьи 2 Закона о защите от бытового насилия дается определение бытового насилия как «любого акта физического, сексуального, психологического, эмоционального или экономического насилия, а также попытки совершить такое насилие, любого насильственного ограничения личной жизни, личной свободы и личных прав, в отношении родственников или лиц, которые состоят в семейных отношениях или проживают совместно». Комитет отмечает, что, хотя для вынесения приказа о незамедлительной защите в соответствии с пунктом 1 статьи 18 Закона требуется, чтобы жалоба потерпевшего «включала данные о прямой, непосредственной или возможной угрозе для жизни или здоровья пострадавшего лица», наличия такой угрозы не требуется для вынесения постоянного приказа о защите. В пункте 1 статьи 4 Закона лишь предусматривается, что «в случае бытового насилия пострадавшее лицо имеет право обращаться в суд за защитой».

9.9 Комитет делает заключение о том, что окружной суд Пловдива, принимая решение от 18 декабря 2007 года в отношении постоянного приказа о защите в соответствии с подпунктами 1, 3 и 4 пункта 1 статьи 5 Закона о защите от бытового насилия, а также региональный суд Пловдива в своем апелляционном решении от 7 апреля 2008 года применили крайне ограничительное определение бытового насилия, которое не подтверждается Законом и несовместимо с обязательствами государства-участника по пунктам (с) и (d) статьи 2 Конвенции, которые являются частью системы обеспечения правопорядка государства-участника и непосредственно применяются в нем. Оба суда сосредоточили внимание исключительно на вопросе прямой и непосредственной угрозы для жизни и здоровья автора и ее физической неприкосновенности, игнорируя эмоциональные и психологические страдания. Кроме того, оба суда неоправданно лишили себя возможности рассмотрения предыстории бытового насилия, описанного автором, интерпретируя чисто процедурное требование статьи 10 Закона о защите от бытового насилия, а именно то, что просьба о выдаче приказа о защите должна быть подана в течение одного месяца с даты совершения акта бытового насилия, чтобы исключить рассмотрение прошлых инцидентов, которые имели место до соответствующего периода в один месяц. Суды также применили крайне высокие стандарты доказанности, потребовав, чтобы акт совершения бытового насилия был доказан при отсутствии разумного сомнения, тем самым всецело возложив бремя доказывания на автора, и на основании собранных доказательств пришли к выводу, что конкретный акт бытового насилия не имел места. Комитет отмечает, что такой стандарт доказанности является чрезмерно высоким и не соответствует ни Конвенции, ни современным антидискриминационным стандартам, которые облегчают бремя доказывания, лежащее на потерпевших в ходе гражданских судебных разбирательств по жалобам на бытовое насилие.

⁴ Общая рекомендация № 19 (1992) о насилии в отношении женщин, пункт 6.

9.10 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола от государства-участника требовалось принять надлежащие конкретные временные меры по обеспечению защиты автора и ее детей. В своем ответе государство-участник заверило Комитет в том, что автор и ее дети пользуются всесторонней защитой, необходимой для того, чтобы избежать непоправимого вреда для них, и им обеспечена физическая и интеллектуальная неприкосновенность. Комитет также напоминает о том, что первоначально он исходил из того, что государство-участник принимает «все необходимые меры защиты, чтобы избежать нанесения непоправимого вреда автору и ее детям и продолжать обеспечивать их физическую и интеллектуальную неприкосновенность»⁵. Однако Комитет подчеркивает, что это понимание вопроса было основано на сжатой оценке риска непоправимого вреда автору и не включало определение приемлемости и существа сообщения в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола.

9.11 При изучении вопроса о насилии в семье Комитет рассмотрел статьи 5 и 16 совместно в своей общей рекомендации № 19. В своей общей рекомендации № 21 Комитет подчеркнул, что положения общей рекомендации 19..., касающиеся насилия в отношении женщин, имеют большое значение для способности женщин пользоваться правами и свободами на равной основе с мужчинами. Он неоднократно заявлял, что традиционные представления, согласно которым женщины находятся в подчиненном положении по отношению к мужчинам, способствуют насилию в отношении женщин. Что касается дела, находящегося на рассмотрении Комитета, то по вопросу о том, были ли решения судов Пловдива основаны на гендерных стереотипах в нарушение статьи 5 и пункта 1 статьи 16 Конвенции, Комитет подтверждает, что Конвенция возлагает обязательства на все государственные органы и что государства-участники могут нести ответственность за судебные решения, которые нарушают положения Конвенции⁶. Он также отмечает, в соответствии с пунктом (f) статьи 2 и пунктом (a) статьи 5 государство-участник обязано принять надлежащие меры для внесения изменений в существующие законы или нормативные акты или отменить их, а также в обычаи и практику, предусматривающие дискриминацию в отношении женщин, а в соответствии с пунктом 1 статьи 16 государства-участники должны принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений. В связи с этим Комитет подчеркивает, что стереотипы негативно воздействуют на право женщин на справедливое разбирательство дела и что судебные органы должны проявлять осторожность, чтобы не создавать жестких стандартов на основании предубеждений в том, что является бытовым или гендерным насилием. В настоящем деле выполнение государством-участником своих в соответствии с пунктами (d) и (f) статьи 2 и пунктом (a) статьи 5, касающиеся ликвидации гендерных стереотипов, следует оценить в свете того, в какой степени учитывался гендерный фактор в ходе судебного разбирательства по делу автора.

9.12 Комитет считает, что мнение окружного и регионального судов Пловдива о том, что основанием для срока в один месяц, в течение которого пострадавшему необходимо подать заявление о вынесении приказа о защите (пункт 1

⁵ См. выше, пункт 5.4.

⁶ См. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, сообщение № 18/2008, *Карен Таяг Вертидо против Филиппин*, мнения, принятые 16 июля 2010 года, пункт 8.4.

статьи 10 Закона о защите от бытового насилия), является обеспечение срочного судебного вмешательства, а не осуществление полицейского надзора за сожительствующими партнерами, свидетельствует о недостаточном учете гендерной проблематики, что является следствием предвзятого суждения о том, что бытовое насилие в значительной мере является личным делом, относящимся к сфере частной жизни, которая, в принципе, не должна подлежать контролю со стороны государства. Аналогичным образом, как отмечалось выше, исключительное внимание судов Пловдива к физическому насилию и непосредственной угрозе для жизни и здоровья пострадавшего лица является следствием стереотипного и крайне узкого подхода к пониманию того, что следует считать бытовым насилием. Такое стереотипное толкование понятия бытового насилия проявилось в мотивировке решения регионального суда Пловдива: «Нанося удар кому-либо, вы можете совершать акт насилия, но только после превышения определенных пределов противоправного деяния, и в данном случае в заявлениях В. К. отсутствие четкое подтверждение того, как именно был нанесен удар, в частности, на день проведения процедуры, и как была нарушена ее неприкосновенность». Традиционное стереотипное представление о роли женщины в браке также можно обнаружить в постановлении окружного суда Пловдива о расторжении брака от 8 мая 2009 года, в котором имеются ссылки на использование автором «бранных слов» по отношению к своему мужу и содержатся предписание, чтобы после расторжения брака автор сменила фамилию на девичью. Комитет приходит к выводу о том, что отказ судов Пловдива издать постоянный приказ о защите в отношении мужа автора был основан на стереотипных, предвзятых и, следовательно, дискриминационных представлениях о том, что является бытовым насилием.

9.13 Комитет считает также, что отсутствие мест в приютах, где автор с детьми могли бы остановиться по возвращении в Болгарию в сентябре 2007 года, — факт, о котором сообщила автор и который государство-участник не опровергло, — является нарушением государством-участником своего обязательства по пунктам (с) и (е) статьи 2 Конвенции об обеспечении безотлагательной защиты женщин от насилия, включая насилие в семье. В связи с этим Комитет напоминает о своей общей рекомендации № 19, касающейся насилия в отношении женщин.

9.14 И наконец, Комитет хотел бы признать, что автор сообщения понесла моральный и материальный ущерб и вред. Даже если предположить, что она непосредственно не подвергалась физическому насилию в семье после окончательного отказа (с возложением судебных издержек) от 7 апреля 2008 года в удовлетворении ее заявления о вынесении постоянного приказа о защите, она тем не менее в значительной мере страдала от страха и отчаяния после окончания судебного разбирательства, касающегося приказа о защите, когда она и ее дети остались без защиты государства, а также от новых преследований из-за гендерных стереотипов, на которых основаны решения суда.

9.15 Действуя в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и в свете всех изложенных выше соображений, Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства и тем самым нарушило права автора, предусмотренные пунктами (с), (d) и (f) статьи 2 в сочетании со статьей 1 и пунктом (а) статьи 5 в сочетании с пунктом 1 статьи 16 Конвенции, а также

общей рекомендацией № 19 Комитета. Комитет обращается к государству-участнику со следующими рекомендациями:

a) касательно автора сообщения:

предоставить автору адекватную компенсацию, соизмеримую с серьезностью нарушений ее прав;

b) общие рекомендации:

i) внести поправки в положения статьи 10(1) Закона о защите от бытового насилия с целью отменить установленный крайний срок продолжительностью в один месяц и обеспечить, чтобы судебные постановления о защите выносились без необходимости соблюдения заявителем чрезмерных административных и юридических процедур;

ii) внести поправки в положения Закона о защите от бытового насилия с целью облегчить бремя доказывания в пользу потерпевшей стороны;

iii) обеспечить функционирование достаточного количества финансируемых государством приютов для жертв бытового насилия и их детей и оказывать поддержку неправительственным организациям, предоставляющим приют и другие формы помощи жертвам бытового насилия;

iv) провести обязательную подготовку судей, адвокатов и работников правоохранительных органов по вопросам применения Закона о защите от бытового насилия, включая вопросы, касающиеся определения понятия «бытовое насилие» и гендерных стереотипов, а также обеспечить надлежащее изучение Конвенции, Факультативного протокола к ней и общих рекомендаций Комитета, в частности общей рекомендации № 19.

9.16 В соответствии с пунктом 4 статьи 7 Факультативного протокола государство-участник надлежащим образом рассматривает мнения Комитета вместе с его рекомендациями и представляет Комитету в течение шести месяцев письменный ответ, в том числе информацию о любых мерах, принятых с учетом мнений и рекомендаций Комитета. К государству-участнику обращается также просьба опубликовать мнения и рекомендации Комитета, перевести их на болгарский язык и обеспечить их широкое распространение, с тем чтобы они были доведены до сведения всех соответствующих слоев общества.